

На веранде поместья Годзё повисло молчание, ставшее осязаемым даже в знойном, содрогающемся от стрёкота цикад воздухе. Великий старейшина ждал ответа.

Акихара крепче сжал крошечную ладошку Сатору. Он посмотрел прямо на старейшину, мимолётно уловив краем глаза подчёркнуто равнодушную позу Тодзи, и ровным, обманчиво мягким голосом спросил:

— Почему я должен отослать Тодзи?

Тон его не выдавал скрытой угрозы. Казалось, приведи Годзё Кэйго хоть один мало-мальски разумный довод, и Акихара без колебаний выставит незваного гостя за ворота.

— Как почему? — заговорил Годзё Кэйго. — Во-первых, он не проявляет ни капли уважения к Сатору, нашему Шестиглазому. Во-вторых, он носитель Небесного ограничения и к тому же принадлежит к клану Дзэньин. Ему вообще не пристало задерживаться в стенах нашего дома.

Проведя немало времени под началом Акихары в роли безвылазно пашущего чернорабочего, даже спесивый старейшина волей-неволей научился подстраиваться под нрав молодого босса.

— Клан Дзэньин и Годзё — столпы магического общества, — вкрадчиво добавил он, силясь скрыть раздражение. — Не стоит сеять между нами раздор из-за одного безродного выскочки. Как глава семьи, вы обязаны принять дальновидное решение. Только так можно привести клан Годзё к истинному процветанию.

Акихара с лёгким прищуром посмотрел на Кэйго, чьё лицо так и лучилось показной заботой об общем благополучии.

— Вот как? — обронил он.

Кэйго степенно кивнул. На его изрезанном морщинами лице не дрогнул ни один мускул — старик держался с безупречным, почти искренним достоинством.

— Раз уж ты так сильно радеешь за наши дипломатические связи с Дзэньин, — ровно произнёс Акихара, — то тебе туда и дорога. Отправляйся в их поместье сам.

Старейшина опешил:

— Что?..

Акихара сделал шаг вперёд, приближаясь вплотную к ошеломлённому старику.

— А что тебя удивляет? Ты ведь жаждешь наладить с ними контакт. Вот и ступай официальным представителем клана Годзё, налаживай связи, крепи дружбу. Сколько ты уже безвылазно сидишь в нашем поместье? Лет семьдесят с лишним?

Кэйго, всё ещё дезориентированный напором юноши, машинально кивнул.

— Похоже, за эти семьдесят лет твой разум изрядно заплесневел от сытости и покоя, — холодно констатировал Акихара. — Смена обстановки пойдёт тебе на пользу. Проветришься, избавишься от старческого слабоумия. Твои текущие обязанности мы переложим на кого-нибудь другого. А ты сможешь целиком и полностью посвятить себя гостеприимству Дзэнъинов.

В голове Великого старейшины наконец-то со щелчком сложился пазл. Осознав масштаб катастрофы, он побледнел и взмолился:

— Нет! Пощадите, глава! Вы меня не так поняли! Это он должен убираться восвояси!

Кэйго с яростью указал дрожащим пальцем на Тодзи.

Терпение Тодзи, который и так откровенно скучал, лопнуло. Ему претило, когда в него тычут пальцами. Опасно прищурившись, он процедил сквозь зубы:

— Убери клешню, старик, пока я её тебе не переломал.

От этой ледяной угрозы перед мысленным взором Кэйго тут же возникла картина разнесённой в щепки несущей колонны, которую Тодзи разворотил буквально только что. Старика затрясло от гнева, но инстинкт самосохранения победил, и он поспешно отдернул руку.

Тодзи плотоядно усмехнулся, издав издевательский смешок.

— Слизняк, — бросил он сквозь зубы.

Лицо Кэйго мгновенно залилось пунцовой краской.

«Этот ублюдок... Он издевается надо мной! Тварь!»

Однако пока Тодзи и старейшина испепеляли друг друга взглядами, зачинщик этой бури уже преспокойно удалялся. Акихара, ведя за руку Сяо Сатору, неторопливо шагал по коридору в противоположную сторону.

Тихий, согревающий душу разговор братьев мягким эхом разносился под сводами галереи:

— Ты так и не доел яблоко? Если не осилишь, давай помогу.

— Упало, ни-ни...

— Вот как? Раз упало — не ешь, оно уже грязное. Сейчас велю слугам принести тебе новое.

— Угу!

После визита главы клана Камо, который являлся доверенным лицом верхушки магов по вопросу «аренды сил самообороны», в поместье Годзё воцарился относительный покой.

Дни текли своим чередом: Акихара разгребал бесконечные клановые документы и занимался воспитанием младшего брата. Так незаметно пролетели две недели, и наступил конец августа.

— Глава, молодому господину Сатору пора начинать базовое обучение магии, — официально доложил старейшина, отвечающий за воспитание и образование детей в главной ветви клана.

Акихара, как раз учивший в этот момент братишку новым словам, удивлённо приподнял бровь:

— Обучение магии?

Сяо Сатору, ловивший каждое слово старшего брата, тут же забавно собезьянничал:

— Обуцение магии?

Акихара мягко сжал его губы пальцами, превращая ротик малыша в утиный клюв, и с улыбкой проговорил:

— Вот это повторять необязательно. И не перебивай меня, когда я разговариваю со взрослыми, договорились?

Зажатый «утёнок» послушно закивал.

«Ага, значит, это слово учить не надо...»

Убедившись, что Сатору всё понял, Акихара отпустил его и перевёл холодный взгляд на просителя.

— И что это за обучение такое? Почему я о нём ничего не знаю?

Собеседник поперхнулся от неожиданности.

«Да потому что в твоём детстве все считали тебя пустышкой с нулевой проклятой энергией и Небесным ограничением! Кто бы стал тебя учить?» — пронеслось в его мыслях.

Да и сейчас — найдись смельчак, рискнувший поучать этого кошмарного монстра, его бы на следующий день по частям собирали. Подавив невольный трепет, мужчина поспешил перейти к делу:

— Это древняя традиция нашего клана. Дети, наделённые даром, после пробуждения проклятой техники должны получить базовые знания. Их знакомят с проклятыми духами и простейшими основами манипуляции энергией. Это закладывает правильное мировоззрение и помогает им вырасти великими магами-дзюцу.

Он перевёл дыхание и продолжил:

— Обычно это происходит в возрасте пяти-семи лет. Но молодой господин Сатору унаследовал Технику Безграничности и Шесть глаз ещё до того, как ему исполнился год. Его врождённый талант не имеет равных в истории, поэтому ему необходима ранняя адаптация.

Собственно, пробудись техника у Сатору в три месяца, когда он ещё ничего не соображал, клановые ортодоксы всё равно попытались бы начать тренировки — настолько слепо они следовали вековым устоям.

— Понятно, — бесстрастно отозвался Акихара. — И кто будет наставником? Где пройдут занятия?

Сатору тем временем заскучал от затянувшейся беседы. Он заёрзал, развернулся в объятиях брата и потянулся пухлой ручонкой к тарелке со сладостями на краю стола.

Заметив это, Акихара сам взял лакомство и протянул ему. Однако малыш вместо того, чтобы засунуть угощение в рот, прижал его к губам брата:

— Ни-ни, кусай.

Он очень старательно учился говорить и рассуждал по-детски просто: раз он сам проголодался после стольких разговоров, значит, и его любимый ни-ни тоже хочет есть.

Сердце Акихары потеплело от этой нехитрой заботы. Он послушно откусил кусочек, а остаток отдал довольному Сатору.

— Спасибо, Сатору.

Малыш знал, как положено отвечать на благодарность — брат объяснил ему это буквально полчаса назад.

— Позалуйста! — старательно выговорил он, забавно картавя и смешно шевеля языком.

Акихара нежно потрепал братишку по пушистой макушке и вновь посмотрел на подчинённого, ожидая ответа.

Тот, сбиваясь от волнения и делая скидку на уникальный статус Шестиглазого, назвал несколько имён почтенных наставников клана.

Акихара слушал его вполуха, подперев подбородок рукой. Когда мужчина наконец умолк, юноша опустил взгляд на увлечённо жующего сладость Сатору и тихо спросил:

— Сатору, ты хочешь стать сильным магом-дзюкуси?

Малыш ел неаккуратно — сладкое лакомство крошилось, и вскоре одежда Акихары и самого Сатору оказалась усыпана белыми крошками.

«Словно сладкий снег на нас упал», — весело подумал ребёнок, разглядывая крупинки.

Он ненадолго задумался над вопросом.

— Магом-дзюкуси? — переспросил он, выделяя новое слово.

Акихара кивнул.

Рождённому в одном из великих кланов и наделённому легендарным даром «Дитя Бога», Сатору с пелёнок приходилось выслушивать лестные речи. Слуги и стражники ловили каждый его вздох, наперебой твердя, что в будущем он станет величайшим магом-дзюкуси, прославит имя Годзё и поведёт за собой весь мир заклинателей.

Конечно, Акихара уже успел основательно проредить штат этих говорливых льстецов, но уцелевшие всё равно изредка шептались за спиной, так что слово «маг-дзюкуси» было Сатору хорошо знакомо.

«Все говорят, что я должен им стать. Значит, мне нужно согласиться?» — размышлял он.

Разгадав его сомнения, Акихара мягко погладил брата по голове:

— Маги-дзюцуси — это те, кто владеет особой силой. Как наши стражники, которые умеют создавать лёд. А ещё маги видят проклятия — тех самых уродливых чудищ, которых ты порой замечаешь. Сатору, у тебя великий дар. Но только тебе решать, хочешь ты посвятить этому жизнь или нет. Ты волен отказаться.

Акихара не имел ничего против магии как таковой. Стремление к силе — естественный закон природы, и Сатору, пусть даже будучи совсем крохой, подсознательно тянулся к могуществу. Но если брат захочет выбрать мирную жизнь, Акихара защитит его выбор. Мнение консервативного клана Годзё мало его заботило. Он сам укроет Сатору от любых невзгод, а величие семьи и судьба магического мира его абсолютно не волновали.

Услышав подобные речи из уст юного главы, старейшина не выдержал и поспешно вмешался:

— Позвольте не согласиться! Молодой господин Сатору рождён для величия. Зарывать в землю столь уникальный талант — непозволительное расточительство!

Акихара медленно повернул к нему голову. Его взгляд сделался абсолютно ледяным.

— Твоя плоть тоже отлично сгодилась бы в качестве удобрения для роз, — тихо, почти ласково проговорил мальчик. — Не находишь, что тратить её на пустую болтовню — непозволительное расточительство? Хочешь проверить?

От этих ровных, безжалостных слов старейшина мгновенно побледнел. В самый разгар летнего зноя его прошиб ледяный пот.

Удобрять розы собой он определённо не желал.

В комнате повисла звенящая тишина.

Сатору ни капли не испугался жутковатой реплики брата. Когда этот ребёнок сосредотачивался на размышлениях, его ничто не могло отвлечь. Он обладал феноменальной скоростью восприятия и схватывал всё на лету, из-за чего окружающим часто казалось, будто он лишь балуется и ленится.

Немного подумав, Сатору уцепился за воротник Акихары и спросил:

— А ни-ни?

Акихара прекрасно понял, о чём тот спрашивает.

— Твой брат... — он на секунду задумался. — Скажем так: формально я не маг-дзюцуси, но на деле — очень даже.

Он не принадлежал к миру магов-дзюцуси, поскольку в его теле не было ни капли проклятой энергии, но благодаря своей уникальной способности мог безупречно копировать любые проклятые техники.

Сатору забавно наморщил лоб, пытаясь переварить этот парадокс, и окончательно запутался.

Увидев, как у малыша буквально голова идёт кругом, Акихара тихо рассмеялся и крепче прижал его к себе.

— Тебе нужно знать лишь одно, Сатору: твой брат невероятно силён. Сильнее всех на свете. А потому тебе никогда и ничего не нужно бояться.

«Если возникнут трудности — просто позови меня»

Сатору уловил скрытый смысл этих слов. Его небесно-голубые глаза восторженно вспыхнули, и он звонко выпалил:

— Хочу!

Он обнял брата за шею и решительно добавил:

— Хочу быть как ни-ни!

<http://bllate.org/book/19395/2004701>